БРОД ПОД АРБАЛЕТАМИ



Лис Без Клана

Лис Клана
Брод под арбалетами

https://litres.ru/74714173
SelfPub; 2026

Аннотация

Я закрыл глаза под автоматным огнём и открыл их, когда в колесо у моей головы вошёл арбалетный болт.

Здесь меня зовут Саввой Кречетом. Рядом люди с лицами моих бойцов, только ни один из них меня не узнаёт. Соседний клан захватил переправу. За рекой остались три деревни, а по дороге к заставе уже идёт вражеский полк.

У речников есть лодки. Они готовы помочь, если я навсегда отменю пошлину, на которую мой клан содержит караул. Сначала мне нужно отбить заставу и вывести людей. А потом придётся объяснить своим, почему я пообещал отдать то, чем они живут.

Содержание

1. С колеса 4
2. Сухое русло 14
3. Чужое имя 23
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Лис Без Клана
Брод под арбалетами

1. С колеса

Глеб погиб, пока я пытался высунуть из-под машины ногу. Он осел возле заднего колеса и упёрся ладонью в шину. На резине остались четыре мокрые полоски. Большим пальцем он так и не дотянулся.

Утром эта рука держала бумажный стакан. Глеб хотел поставить его на капот, но я велел садиться, и он полез в машину с кофе. Через две ямы пролил на себя половину. Пока мы ехали, он оттягивал мокрую штанину и спрашивал, почему тот, кто придумал крышки с дыркой, до сих пор ходит на свободе.

Сейчас я видел то же пятно, даже цвет почти не изменился. Только стакан остался в машине, а Глеб сидел на земле и уже не мог мне ничем помочь.

— Седой, слышишь?

Седой лежал на другой стороне дороги, у бетонного столбика. Он шевельнул рукой, но к столбику не подполз. Я не видел, попали в него или он просто ждёт, пока стрелок переведёт огонь.

Рябой лежал ближе. Я видел, куда ему пришлось, и боль-

ше его не звал.

Из-за машины до водопропускной трубы было одиннадцать метров. Я успел их прикинуть ещё до того, как упал. Дальше двух метров пришлось бы идти открыто, а Седому надо было сначала пересечь дорогу. Если крикну ему бежать, он побежит. Этот человек однажды пошёл по моему слову в дом, из которого все остальные уже выбежали. Потом объяснил, что решил: командир в доме что-то видел.

Я ничего не видел. Тогда мы оба вышли.

Я упёрся локтем в асфальт, выдернул ногу и попробовал приподняться. По железу над головой прошлась очередь. Из-под переднего колеса вытекала вода, и я сперва принял её за лужу, хотя дождя не было уже неделю. К ладони прилип кусок мокрой бумаги. Я стряхнул его, но он повис на пальце. Это была салфетка из-под Глебова стакана.

— Клин, — позвал Седой.

Мне показалось, что он хочет спросить, куда бежать. Я закрыл глаза на секунду, чтобы прикинуть, что крикнуть ему в ответ. Вся моя работа сейчас помещалась в несколько слов. Нужно было только выбрать правильные.

Когда я открыл глаза, в спицу рядом с моим ухом вошёл арбалетный болт.

Колесо стояло ребром. Я по-прежнему лежал на боку, но под локтем была глина, сухая, в мелких трещинах. Из днища телеги, поднятого над дорогой, сыпалось что-то белое. Один комок упал мне на щёку. Я смахнул его и увидел на пальцах

муку.

Я потянулся за автоматом. Правая рука прошла там, где должен был висеть ремень, и ударила меня по животу. На мне была толстая куртка. Под ней я нащупал пуговицы, ни одной знакомой застёжки. Я попробовал сесть и тут же сполз обратно: по другую сторону колеса стоял человек с мечом.

Меч был широкий у рукояти и рыжеватый в зазубринах. Человек занёс его обеими руками. Я втиснулся между ободом и бортом. Лезвие вошло в дерево в ладони от моего лица, а рукав на плече дёрнуло так, что я решил: зацепился гвоздём. Когда человек потянул клинок на себя, я упёрся ногами в ось и ударил его плечом. Он оступился, но удержался на ногах.

На поясе у меня оказался нож. Ручка с насечкой, клинок чуть длиннее ладони. Пока я его доставал, человек освободил меч, отступил и выставил остриё. Ему хватило одного шага, чтобы снова держать меня на конце клинка. Под рукой у меня были колесо и доска, которой зашили борт. Дальше начиналась открытая дорога. Тот, кто стрелял, мог видеть её всю.

Мужик чуть подался вперёд. Я ждал, что он полезет за мной под телегу. Он посмотрел на мои ноги и медленно переставил свою, чтобы обойти колесо. Там ему уже ничего не мешало рубить.

Из-под телеги ударили сапогом ему по щиколотке. Он повалился на обод, вцепился пальцами в спицу, и я саданул

по ним рукоятью ножа. Меч упал раньше хозяина. Мужик выругался и покатился под откос, обдирая рукав о колючки. Я нагнулся за мечом, взял его под гарду и чуть не уронил обратно. Вес был привычный, баланс нет. На пробу у меня времени не осталось.

— Савва, ось подними. Тут нога.

Глеб лежал на спине. На левом клыке у него был серый уголок, который зубной врач обещал исправить, когда мы вернёмся. Он сам рассказывал мне об этом, сидя на табурете у склада. Месяца два, говорил, я теперь с этим гвоздём во рту. Здесь у него торчал тот же гвоздь. Даже когда он повторил про ногу, я услышал Глеба, только выговор был другой.

— Крот?

— Кто?

Я заглянул под телегу. Одну ногу зажало между осью и камнем, другая двигалась. Своей я почему-то уже мог шевелить, хотя помнил, как та застряла под машиной. Я сунул под ось обломок оглобли. Тот соскользнул. Тогда я выдернул из-под рассыпавшегося мешка плоский камень, подложил под дерево и нажал всем весом.

— Тяни.

Глеб поджал колено и вытащил сапог. На носке кожа была содрана до белого. Он сел, ощупал лодыжку и попробовал встать. Сразу опустился на одно колено.

— Ходить можешь?

— А куда мне деваться?

Пока он возился с сапогом, из-под телеги выкатилась деревянная кружка. Он поймал её и повесил на ремень. Сделал это машинально, как Глеб в машине поправлял гарнитуру, пока ему отвечали по связи. Я смотрел на кружку и всё ждал, что сейчас услышу голоса из наушника.

За поворотом кто-то крикнул:

— Колёса целые? Глянь, пока коней ловят!

Ему ответили, что на дороге ещё двое. Слово «ещё» я расслышал хорошо. Я подал Глебу руку, и он встал, сперва опираясь на меня, потом сам.

— Седой с тобой был?

— Тебе сейчас кого надо?

Я показал на место, где секунду назад лежал Седой. Там росли кусты и валялось ярмо. Глеб посмотрел туда же, потом на меня.

— Там Руд. Он за камнем ползёт. Смотри ниже.

Я увидел человека, который полз на локтях. Он тащил правую ногу и, когда до него долетела пригоршня земли, зачем-то прикрыл рукой макушку. В другой руке он держал арбалет. Каждый раз, прежде чем подтянуться, клал арбалет рядом и только потом переставлял локоть. Так он далеко не ушёл бы.

Я положил меч на обод и свистнул. Руд поднял голову, а со стороны канавы вынырнул кто-то с круглым щитом. Щит он держал перед собой, передвигаясь боком, как будто тяжёлая круглая доска сама показывала, куда ему можно ступать.

Арбалетчик наверху выстрелил. Щит дёрнулся, болт остался в дереве. Человек с щитом присел, дождался, пока я махну ему, и добежал до колеса.

— Савва, ранен?

Он поднял забрало.

У Рябого была привычка брить подбородок даже на выезде. Щетину он терпел часа четыре, дальше начинал тереть её большим пальцем. Этот носил бороду, короткую, но густую под нижней губой. Мелкие ямки на щеках были на месте. Я помнил, как Рябой рассказывал, что бабушка велела ему в детстве не чесать оспу. Приказ не выполнил, а бабушку до сих пор вспоминал с уважением.

— Рябой?

Человек с щитом оглянулся на Глеба. Тот постучал пальцем по виску.

— Его об колесо приложило. Данила, Руда возьми. Я покажу, где спуск.

Данила сунул мне щит, присел рядом с Рудом и стал стягивать с него арбалет. Руд упёрся. Данила перестал тянуть, дождался, пока тот на него посмотрит, и сказал, что оружие возьму я. Руд разжал руку. Данила поднял его так, чтобы раненая нога не волочилась, и мне вдруг стало неловко за то, что я всё ещё стоял и смотрел ему в лицо.

Арбалет был взведён. Болта в жёлобе не было. Я обвёл пальцем деревянное ложе и нашёл железный рычажок, который мог быть спуском. Подержал палец рядом. Попросить

объяснить, как эта штука работает, было бы разумно, если бы нам дали хотя бы минуту. Я взял арбалет за ложе и понёс вместе со щитом.

Дорога в обе стороны загибалась. С одного поворота к нам шли люди. Со второго пока никто не показывался, но на откосе сидел стрелок и ему было удобно смотреть сверху вдоль колеи. Единственное место, куда он не мог попасть, начиналось у опрокинутой телеги. Дальше шла мелкая канава, заросшая орешником, и её издали можно было принять за тень под кустами.

Глеб сунулся туда первым. Одна ветка зацепила его за ворот. Он дёрнул головой, освобождаясь, и снова повернулся ко мне.

— Дальше старое русло. Там спуск крутой. Если щитом вперёд, проедешь.

— Где остальные?

— Тебе с дороги всё видно было. Я под телегой лежал.

Снизу донёсся голос. Отозвался Данила. На дорожном скате лежали ещё двое: один держал за рукав мальчишку с кровью у уха, другой подбирал в грязи болты. Я крикнул им, чтобы ползли к орешнику. Тот, что подбирал болты, поднял голову и ответил, что я сам велел ни одного не оставлять.

— Теперь оставь.

Он разжал руку. Два болта скатились по дороге, третий зацепился оперением за рукав. Он дёрнул его зубами и оставил торчать. Потом они поползли, каждый по своей стороне

колеи, пока щит ещё закрывал их от стрелка.

Когда первый добрался до нас, я спросил, есть ли ещё кто. Он кивнул на заднюю телегу. Я её не сразу увидел. От неё осталась пустая оглобля, а перед колесом лежал человек в красной шапке. Лицо было закрыто его собственной рукой. Руку я рассмотрел хорошо. Она лежала ладонью вверх, и на ней белела мука, которая сыпалась из разорванного мешка.

Я сделал шаг к нему. Глеб поймал меня за ремень.

— Савва. Он мёртвый.

В голосе у него было столько злости, что я поверил сразу. Может, он уже пробовал туда ползти, пока лежал с зажатой ногой. Может, знал человека лучше меня. Ремень на мне был длинный, конец торчал из пряжки, и Глеб держал его до тех пор, пока я сам не отступил в канаву.

Данила пошёл вперёд с Рудом на спине. Я прикрыл их щитом. Держать его мне было неудобно: рукоять была рассчитана на руку в перчатке, а ремешок пропускал моё предплечье почти до локтя. Когда я повернулся к дороге, щит скосило, и в доску попал второй болт. Рука от удара упала. Чуть выше я увидел стрелка. Он перебирался вдоль откоса с арбалетом в руках, осторожно, проверяя землю под сапогом. Вниз он не смотрел. Искал, где встать, чтобы перехватить нас у выхода.

Никто больше не стрелял, пока мы лезли под орешник. Это не означало, что про нас забыли. Я слышал, как сзади подзывают коня. Если он им дастся, объедут канаву раньше, чем мы из неё выберемся.

Я пропустил мальчишку и двоих, которых он держал за рукава, и спустил за ними щит. Сам съехал на боку. Камень под рубахой проехал от лопатки до поясницы, сапог зацепился носком за корень, и я на секунду повис вниз головой. Сверху Глеб вцепился в мою пятку и повернул ступню, пока я не высвободился. Потом сел на край и спустился, не сгибая больной ноги.

Мы оказались ниже дороги. Над нами шуршали ветки, а из-под куста вылезал наружу длинный корень, по которому текла тонкая струйка муки с телеги. Я смотрел на неё и ждал, что ещё секунда, и увижу воду из-под машины. В канаве пересохло так давно, что мука легла на дно сухой полосой.

— Туда, — сказал Глеб. — Только не прямо. Впереди стенка, по правой руке обойдём.

Один из тех, кто спустился первым, наклонился за щитом. Я отдал ему щит, арбалет вернул Руду и спросил у мальчишки, слышит ли он меня. Тот кивнул. Под ухом у него был узелок из рубашечной ткани. Он прижимал его двумя пальцами и смотрел на дорогу так, будто оттуда ещё можно было забрать что-то своё.

— Ты ногами как?

— Нормально.

— Тогда иди за Данилой. Если он упадёт, подхватишь Руда.

Мальчишка сделал два шага, вернулся и подал мне болт. Тот самый, который другой оставил в рукаве. На перьях за-

сохла глина. Я хотел спросить, зачем он мне, но увидел, что парень ждёт ответа. Сунул болт за пояс и сказал:

— Принял.

Это вышло привычно, как по рации. Мальчишка кивнул и пошёл.

Я задержался у корня, чтобы понять, сколько нас вообще осталось. Глеб уже прихрамывал впереди. Данила нёс Руда. Двое шли со щитом, ещё был мальчишка с ухом. Я досчитал до семи вместе с собой и зачем-то снова поискал глазами Седого. Сзади по дороге прошли лошади. Одна фыркнула над самым орешником, так близко, что оттуда посыпались листья.

Надо было уходить. Я шагнул следом и в первый раз услышал, как человек со знакомым лицом сам назвал себя. Кто-то из тех двоих спросил впереди, сможет ли он довести до угольщика.

— Доведу, — сказал он. — Я Федот. Я здесь Марфу за грибами вожу.

Ветка хлестнула меня по губам. Я слизнул муку и пошёл за Федотом.

2. Сухое русло

В русле нашлась вода, хотя сверху его можно было принять за сухую канаву. Она стояла в ямах между камнями и пахла прошлогодними листьями. Данила два раза поскользнулся, пока нёс Руда. Во второй раз сел прямо в лужу. Руд попытался слезть, но Данила, даже сидя, удержал его за здоровую ногу.

— Побудь где был, — сказал он. — Я и сам пока не знаю, как встану.

Мы подняли его вдвоём. От Руда пахло кровью и лошадью. Когда я взялся за него под коленом, он втянул воздух и больше не разговаривал. Я хотел посмотреть рану, но в русле негде было остановиться так, чтобы нас не увидели с берега. Одна лошадь наверху уже прошла мимо. Я слышал, как всадник сперва торопил её, а потом придержал. Ветка, которую она задела, ещё качалась над нами.

Федот показал, где русло уходит под кручу. Там была тёмная щель между водой и корнями. Если пригнуться, по ней можно было пройти. Данила с Рудом застряли бы.

Я спросил, что дальше. Федот не сразу ответил. Встал возле камня, потерял равновесие и опёрся о берег обеими руками. Сапог на больной ноге распух, хотя кожа на нём сперва только сморщилась от воды. Он хотел переставить ступню и поморщился ещё до того, как наступил.

— Дальше вторая яма. За ней вылезем к угольным. У Кузьмича конь есть.

— Сколько идти?

— Без Руда быстро.

Руд поднял голову. Данила перехватил его поудобнее и сказал, чтобы тот и не думал слезать. Я посмотрел на щель под корнями. Ноги Данилы были в воде почти по щиколотку. За его спиной на берегу виднелись свежие следы двух сапог, и оба отпечатка шли в нашу сторону.

До второй ямы мы бы не добрались всем составом. Надо было либо помочь Даниле протащить Руда по воде, либо вывести людей на открытый берег. В первом случае нас застали бы внизу. Во втором увидели бы раньше, чем мы все успели подняться.

— А если на той стороне? — я показал через воду.

Федот вгляделся в берег и сказал, что там пустошь. Если идти прямо, выйдем на открытое место. Зато можно держаться под осыпью, пока не упрёмся в завал, а там он покажет, где её можно обойти. Сначала предлагал ближе к дороге, потому что оттуда до Кузьмича рукой подать.

Я спросил, ездят ли верхом по пустоши. Федот сказал, что ездят, когда сена много и другого дела нет. Прямой дороги там нет, а за лошадь, если свернёт ногу, никто не платит.

— Ведёшь через воду, — сказал я. — Где влезать?

Он посмотрел на меня с явным облегчением. Тянуть Данилу под корнями ему самому, видимо, не нравилось. Но на

дороге он уже один раз назвал путь и теперь ждал, что я спрошу, почему сразу не предложил другого.

Через воду пришлось идти по одному. Посередине было чуть выше колена, дно ушло из-под ног после первого шага, и я понял, что держал нож в руке совершенно зря. Им нечего было резать. Я сунул его за пояс, встал боком и протянул руку мальчишке. Тот перевёл болт из правой руки в левую, чтобы уцепиться за меня.

— У меня уже есть, — сказал я ему.

— Этот Рудов.

Я посмотрел на оперение. В темноте перья показались мне такими же, как у первого, но этот болт был легче и чуть короче. Мальчишка подобрал его на дороге, пока остальные ползли к орешнику. В такой обстановке я бы заставил его выбросить и этот. Сейчас хотелось, чтобы у него осталось дело, которое он сам себе придумал и мог выполнить.

— Донесёшь, — сказал я.

Пока он перебирался, Федот разул больную ногу и сунул сапог за ремень. Когда позади него в воду вошёл Данила, я остановился и взял Руда под здоровое колено. Его плечо я видел, лицо нет. Он сказал, что мы сейчас его утопим. Данила ответил, что всё ещё решает, считать ли это просьбой.

Я услышал, как на дороге рассмеялись, и машинально повернулся на звук. Над нами, метрах в тридцати, разговаривали люди. Один предлагал спускаться. Второй сказал, что с обозом не закончили. Они успели вытащить хотя бы часть

мешков и теперь решали, кому оставаться при лошадях. На горстку беглецов никто не хотел тратить весь отряд.

Когда Руд оказался на другом берегу, я велел двоим из обоза взять его вдвоём. Один просунул руку под спину, другой взял за бедро. Данила вытер лицо рукавом, вернул себе щит и поставил его боком, чтобы не задеть раненого. Руд проверил, не выпустил ли арбалет. Мальчишка сунул ему болт. Руд узнал своё оперение и первый раз за всё время попросил мальчишку по имени:

— Остап, в сумку положи. Сломается.

Остап положил.

Двое, которые понесли раненого, звались Егор и Митя. Как звали человека в красной шапке, я спросить не успел. Мы отошли от воды, и я подумал, что не смогу потом сказать, кого оставил на дороге. Попробовал представить, как бы докладывал, если бы у меня была связь. Сколько людей, кто ранен, куда выходим. Я знал только одно настоящее имя и ещё не привык считать его своим.

Федот остановился у осыпи и показал наверх. Там, среди обломков, торчала старая берёза. На ней была прибита доска, которую я принял бы за сломанный сук, если бы он не показал. От доски вправо шла тропка. Её растоптали копыта и снова затянуло песком. Федот двинулся к ней, но на первом же шаге без сапога задел ногу о камень.

— Дай посмотрю.

— Потом.

— Ты отстанешь.

Он взглянул на меня, потом на сапог у себя на ремне. Я ждал, что он начнёт доказывать, что справится. Он сел сам. Пока я развязывал тесёмку у себя на сапоге и вытаскивал её из дырок, Федот ощупал лодыжку, нашёл место, где больно, и убрал палец. На лице у него проступила испарина.

Я перетянул ему ногу полосой ткани. Сапог он надевать отказался. Данила выдернул из осыпи прямую палку, обломил сучок и протянул ему. Федот попробовал опереться. Пошёл ровнее. Если дать ему эту палку раньше, не пришлось бы ждать теперь, когда наверху уже спешились.

— Ты меня слышал под колесом? — спросил он.

— Да.

— Я до того тоже звал. Ты на дороге лежал.

Мне захотелось спросить, сколько я там пролежал. Если ответит «минуту», что это докажет? Я поднимал тяжёлое колесо и знал, как оно хрустит, когда ось упирается в камень. Я чувствовал боль в плече. Мог назвать на вкус муку, которую слизнул с губ. Если я лежал на дороге с закрытыми глазами и всё это придумал, то до чего же старательно у меня получалось.

— Я не сразу понял, где я, — сказал я.

— Это я уже заметил.

Он обхватил палку покрепче и стал подниматься. Я пошёл рядом, чуть ниже. Почти у доски он остановился, чтобы перевести дух, и посмотрел на мои руки.

— А плечо как?

Я пожал плечом. Зря. Под курткой сразу стало горячо.

— Кузьмич промоет. Ты его слушай, когда станет про сало. Он думает, у тебя на него зуб.

— За что?

— Он тебе долгом отдал кусок, а ты решил, что это тебе подарок.

Федот пошёл дальше и подождал, пока я с ним поравняюсь.

— Ты всё равно его съел.

Мы добрались до доски. Здесь Федот уступил дорогу тем, кто нёс Руда, и показал щель в осыпи. Она начиналась ровно там, где я сам полез бы наверх, если бы хотел кого-нибудь вытащить из русла. Открытая площадка, людей видно от колена до головы. Чуть дальше стояли густые кусты. До них оставалось шагов пятнадцать.

По ту сторону русла хрустнула ветка. Я успел заметить голову лошади, потом она ушла за край. На дороге людей было больше, чем казалось. Пока одни вытаскивали обоз, другие пошли по руслу пешими.

Я послал Егора и Митю к кустам. Вместе с Рудом. Остапу велел пригнуться и идти с ними. Мальчишка посмотрел на Федота. Федот махнул палкой в ту сторону, куда они шли. Тогда Остап послушался.

Они перебежали. Данила стоял чуть ниже меня со щитом, и мы оба смотрели на берег. Я собирался пропустить Федо-

та, а сам уйти последним. Данила кивнул, что понял. Нам не пришлось ничего объяснять друг другу. От этого кивка у меня на секунду отлегло. Рябой тоже умел так кивнуть, не отрывая глаз от места, откуда могли выстрелить.

— Иди, — сказал я Федоту.

Он поднял палку, но вместо того чтобы шагнуть к кустам, наклонился и подхватил с земли Рудову сумку. Она свалилась, когда раненого поднимали по осыпи. Из клапана торчало несколько перьев. Федот прижал сумку к животу и сделал два шага.

На противоположном берегу показался человек. До того я всё смотрел выше, туда, где прошла лошадь. Этот спустился почти до воды и стоял между двумя корнями, опустив одно колено в грязь. Издали я видел его арбалет и мокрый край рукава. Он поднял оружие так спокойно, что я даже успел решить, в кого будет стрелять.

Данила тоже успел. Дёрнул щит вверх. Болт прошёл мимо него и ударила Федота сбоку, под руку, которую он поднял вместе с сумкой.

Федот сел. Палка покатилась вниз, один раз стукнула о камень и остановилась. Я спустился к нему на шаг и увидел, что он дышит. На губах у него не было крови. Я подумал, что, может, задело только бок, и зажал рану обеими руками. Он дёрнулся так сильно, что я едва его удержал.

— Крот, посмотри на меня.

Он смотрел. Мелко водил подбородком, будто выбирал,

с какой стороны меня лучше видно. Я переставил ладонь и почувствовал пальцами древко. Вынимать его было нельзя. Я это знал. Хотел приказать принести аптечку, но в горле уже стояло слово, которое он не мог понять.

За моей спиной что-то шоркнуло. Я посмотрел на его руку. Федот скрёб пальцами по глине. Там остались четыре полоски, а большой палец был чистый.

Я видел шину так ясно, что отпустил рану и потянулся к его жилету. У него всегда сбоку была резинка, под ней держалась медицинская укладка. Рука нашла деревянную кружку. Она качнулась на ремне. Я снова нажал на рану, сильнее, и Федот перестал скрести землю.

— Ты Марфе скажи, — произнёс он. — Я до ярмарки обещал.

Я наклонился, чтобы расслышать остальное. Он дёрнул плечом, раз, другой, и опустил голову мне на запястье. Я сказал, что слышал, пусть теперь посмотрит на меня. Он больше не поднимал головы.

Данила крикнул сверху. Я не ответил. Мне нужно было понять, что Федот обещал. Я держал его и ждал, пока он договорит, хотя уже видел, как лежит его рука.

Данила спустился, схватил меня за ремень и рванул вверх. Я разжал одну руку, второй всё ещё держал Федота за рукав. Рукав выскользнул. Болт ударил в глину чуть ниже моей ноги. Данила перехватил меня выше, и мы оба полезли к кустам, пригибаясь каждый раз, когда с берега кричали.

За осыпью ждали четверо. Руд лежал на боку и дышал, открывая рот. Егор, Митя и Остап сидели под корнями, почти друг на друге. Я пересчитал их. Вышло пять. Данила стянул щит с плеча и положил на землю, и только тогда я понял, что всё ещё прибавляю того, кого на руках больше нет.

— Пойти за ним можно отсюда? — спросил я.

Данила встал так, чтобы я видел его целиком.

— Пойдёшь, когда они уйдут. Сейчас дорогу держат. Слышишь, конь наверху?

Я слышал. И всё равно сдвинулся на шаг к осыпи. Данила преградил мне путь. Он не вынимал нож, не повышал голос, просто стоял, вцепившись ладонью в край своего щита. Под нижним краем щита из воды текло на его сапог.

— Как его звали? — спросил я.

— Федот. Ты его за колесо вытащил. Дальше он сам пошёл.

— А Марфа?

Данила даже не сразу ответил. Снял с плеча флягу, сунул мне в руки и только тогда сказал:

— Ты у неё крёстный.

3. Чужое имя

Кузьмич открыл нам только после того, как Данила назвал его коня. Коня звали Дьяк. На воротах было две щеколды, до верхней Кузьмич дотягивался, встав на носки, а нижнюю открыл ногой. Пока мы заносили Руда, он держал створку животом и следил, чтобы её не задели арбалетом.

— У Дьяка седло лежит? — спросил Данила.

— А ты на нём сидеть умеешь?

— Мне гонца послать.

Кузьмич закрыл ворота, загнал за створку деревянный клин и кивнул на дом. По дороге туда подобрал с земли щепку и сунул за ухо. Когда Руда положили на лавку, стало понятно, для чего. Кузьмич поддел щепкой узел на штанине и развязал его, не потянув за ногу.

Сперва он убрал с лавки сало. Руду подстелил мешок, а когда увидел, сколько крови натекло на пол, принёс второй. Попросил потом унести оба. На них в доме ещё спали.

Данила послал Егора к западному причалу. До него было ближе пешком, чем сперва ловить Дьяка на пастбище и потом объяснять, зачем его оседлали. Егор выжал рубаху над крыльцом, послушал, что именно ему велели посмотреть, и ушёл, взяв у Кузьмича сухую шапку. Митя остался у ворот. Остап сел под столом с Рудовой сумкой на коленях. Руд сказал, чтобы тот положил сумку на лавку. Остап поставил её

рядом с собой, но руку с клапана не убрал.

Кузьмич разрезал штанину. Руд поднял голову и спросил, видна ли кость. Я ответил, что не вижу. Он посмотрел на меня с подозрением, а потом лёг затылком на мешок. Данила придержал ему ногу, пока Кузьмич промывал рану. Я подавал то воду, то чистое полотно, пока меня не попросили перестать заслонять дверь. Оттуда шёл свет. Я сел на пороге, упёрся спиной в косяк и заметил, что ещё держу за поясом болт.

Остап принёс мне кружку. Вода в ней плескалась, хотя он уже отпустил её. Я не сразу понял, что это моя рука. Поставил кружку на порог, подождал и взял обеими ладонями. На левом указательном пальце не было кривого сустава. Я в детстве прищемил его дверью в подъезде. Врач сказал, что выправлять уже поздно. С этим пальцем я рос, учился держать оружие и даже кольцо, которое однажды купил по глупости, мерил на правой руке. Теперь сустав был прямой, и палец легко сгибался.

Остап всё ещё стоял рядом. Я спросил, давно ли он ездит с нами.

— Это второй раз.

Он сказал это с гордостью и сразу поглядел на Руда. Тот лежал, прикрыв глаза предплечьем. Кузьмич повязал ему ногу и теперь подсовывал под пятку свёрнутую куртку.

— Руд тебя взял?

— Вы взяли. Руд сперва не хотел.

— Почему?

Остап пощупал узелок у уха.

— Он говорил, что я болты рассыплю.

Мне вспомнился болт, который мальчишка принёс в канаву. Я вытащил его из-за пояса и положил на порог между нами. Остап чуть развернул его, чтобы перья не легли на мокрое дерево. Потом взял и отнёс к сумке.

Данила позвал меня к лавке. Пока он промывал плечо, я старался смотреть на него прямо. Сбоку лицо слишком напоминало Рябого. У того даже шрам под ухом был похожий, только с другой стороны. Я попросил Данилу посидеть потом со мной, без остальных. Он спросил, куда ему деваться, если я при каждом движении плечом выдёргиваю у него полотно. Я перестал двигаться.

Когда он закончил, я встал, подошёл к корыту и плеснул себе на лицо. Вода разошлась кругами. Пока она успокаивалась, я успел представить своё лицо и даже вспомнил прыщ на шее, который вчера мешал застегнуть воротник. Из корыта на меня глянул человек, которого мне не доводилось видеть. Подбородок уже моего, волосы лезут в глаза. Слева у виска засохла кровь. Я провёл рукой по волосам и увидел, как отражение повторяет движение. Повторило совершенно точно.

— Данила.

Он вынес грязное полотно, выжал над корытом и посмотрел на меня.

— Как меня целиком зовут?

Полотно капало ему на сапог.

— Савва Кречет.

Я повторил про себя. Легче от этого не стало.

— Лет мне сколько?

— Двадцать два. Ты сам на последнем торгу всем говорил. Когда торговка за мальчишку тебя приняла.

Он подождал. Я не улыбнулся. Данила положил полотно на край корыта и спросил, помню ли я хотя бы, чей обоз вёл. Можно было соврать, что помню. Но он мог спросить, кому мы везли муку, и от меня зависело, кого пошлют за следующим обозом.

— До колеса плохо помню, — сказал я. — После лучше.

Данила оглянулся на дверь. Кузьмич в доме спорил с Рудом, можно ли ему пить сколько угодно.

— При других так не говори. Если начнут спрашивать, скажи, по голове получил.

— А ты?

Он посмотрел на меня ещё раз, уже без полотна в руках.

— Я видел, как ты с дороги не вставал. А потом ты моего имени не знал. Я могу подождать.

Мы занесли воду обратно. Кузьмич сидел у стола, разложив на тряпке гнутые гвозди. Он выпрямлял их обухом топора, по одному. Я спросил, можно ли расплатиться за сало позже. Не знал, пригодится ли это вообще, но Федот говорил о нём так, словно я ещё успею.

Кузьмич перестал стучать.

— За которое?

— За то, которое я съел.

— Ты его не ел. Ты его вознице отдал, когда он с обеда не ел. Я видел, как он по дороге за щекой держал.

Он выбрал следующий гвоздь и покатал его по столу.

— Только он мне с тех пор ни разу ничего не заплатил. И ты тоже.

Я сел напротив. Не знал, что здесь можно предложить человеку за еду и ночлег. Не знал даже, какие деньги у меня в карманах. Вытащил из куртки небольшой мешочек и развязал. Внутри были две тонкие монеты, обломок сургуча и свёрнутая бумажка. Кузьмич отодвинул мою руку с монетами и попросил сперва дождаться Анну. Она собиралась за Федотом, и Кузьмич послал к ней мальца, как только мы вошли во двор. Если сейчас дать ему деньги, она всё равно спросит, за что.

Я развернул бумажку. Буквы были похожи на наши, кое-какие слова я разбирал. Над одной цифрой стоял жирный след, будто кто-то пересчитывал что-то грязным пальцем. Вверху было имя. Савва. Я прочитал его только потому, что теперь знал, чего искать.

Анна пришла с корзиной. У двери посмотрела на сапоги, которые мы сняли, увидела Руда и спросила, привязали ли коней. Данила встал. По тому, как он встал, она поняла раньше, чем он назвал Федота.

— Где?

Я рассказал про русло. Сказал, что Федот помог вывести людей и что я был рядом, когда его ранили. Она спросила, в куртке ли он остался. Я вспомнил рукав, выскользнувший из ладони, и сказал, что в куртке. Дальше она долго развязывала узел на корзине. Внутри лежали хлеб и чистая рубаха, сложенная вчетверо. Наверное, он должен был переодеться после обоза и идти вместе с ней.

— Сможете забрать? — спросила она.

— Как только освободится дорога.

Она подняла глаза. Ей хотелось узнать, когда это будет, и я чуть не назвал срок. Раньше, когда от меня ждали срока, я хотя бы знал, сколько у нас машин и кто за рулём. Здесь я не мог даже сказать, с какой стороны к руслу безопаснее идти. Анна поняла, что ответа не будет, и поправила рубаху в корзине.

— Ты ему за два рейса должен.

— Сколько?

— За два, Савва. Ты один всё время считаешь.

Я подвинул ей бумажку. Она прочитала и сказала, что это расход на муку, а рейсы записаны у заставного писаря. Последний Федот сделал вчера, и Савва обещал отдать за оба до ярмарки. Она говорила ровно, пока не дошла до ярмарки. На этом слове пришлось остановиться, чтобы перевести дух.

Мне хотелось сказать, что я вытащил его из-под телеги. Как будто за это она теперь должна была что-то мне отве-

тить. Вместо этого я попросил Данилу запомнить, что обещал заплатить при ней. Анна сказала, что запомнит и сама. Потом спросила у Кузьмича, где Дьяк. Она хотела съездить за дочкой. Марфа ночевала у тётки на другом берегу. Анна собиралась забрать её ещё утром, но Федот попросил подождать, пока он освободит телегу.

Данила достал из сумки свёрнутую кожу и разложил её на столе. Изгиб реки на карте был похож на рукавицу. На одном берегу кто-то тщательно вырисовал башню, на другом поставил две черты. Я попросил показать дом Кузьмича. Данила взял кусочек угля и нарисовал домик, хотя для этого пришлось стереть рукавом часть старой дороги.

— Вот здесь мы, — сказал он. — Вот причал. Марфа здесь, дальше за восточной заставой.

Анна посмотрела, куда он тычет, и всё равно спросила про коня. Я услышал, что за дверью скрипят ворота. Митя заговорил с кем-то коротко, потом вошёл Егор, держа Кузьмичеву шапку в руке. На верхушке шапки пристала сухая камышинка.

Егор положил шапку на лавку и сказал, что паром стоит у западного причала, а на восточной заставе висят вязовые ветки.

— Сколько их? — спросил я.

— На стене видел троих. За воротами ходят, но оттуда не сосчитаешь. Ворот на их стороне. Паром подтянут, канат ещё цел.

Данила спросил, видел ли он кого-нибудь из местных. Егор сказал, что с дороги к пристани спускался старик. Ему показали арбалет, и он ушёл. Больше он ничего не видел. Анна подошла ближе к столу и спросила, можно ли перебраться выше.

— С конём? — сказал Данила. — До северного моста два дня. Если там ещё пускают.

Она посмотрела на карту, на башню, потом на него.

— Я без коня могу.

Я спросил у Егора, где можно посмотреть на заставу, чтобы со стены нас не видели. Он провёл пальцем по нашей стороне и показал кусты на обрыве. Потом ткнул чуть ниже. Там к парому шла дорожка и стоял ворот, которым его тянули с запада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.